

Так или иначе, но на момент советско-германского противостояния, немецкая армия, как и ее танковые части, были в организационном плане заметно выше советских. Части Красной Армии имели более громоздкую и трудноуправляемую структуру, в результате проведенной в 1940 г. реорганизации, вдобавок не имели для новой организации достаточного количества техники. Несмотря на наличие в рядах РККА значительного количества новейших танков Т-34 и КВ, они имели большое количество технических недостатков, ввиду того, что те были еще не отработаны промышленностью. Поэтому ситуацию на фронтах коренным образом изменить быстро было невозможно. Плохо подготовленные экипажи новых машин в основном добивались лишь временного успеха, не в состоянии остановить захватившего инициативу противника, упредившего Красную Армию в развешивании. Находившиеся в разной степени изношенности танки старых марок были потеряны в ходе неорганизованных маршей и боев с наступающим противником.

Несмотря на большие потери, чем в европейских компаниях, в приграничных боях лета 1941 г. немецкой армии удалось реализовать свои идеи «блицкрига», что закончилось военной катастрофой Красной Армии и привело к отступлению до Москвы. В связи с высокими потерями и растянутыми коммуникациями, немецкое наступление под Москвой было остановлено, хотя СССР не был окончательно разгромлен, что означало провал «блицкрига».

В период Великой Отечественной войны советские и немецкие танковые войска подвергались технической и структурной реорганизации, в связи с конкретными условиями и реалиями войны. В СССР с 1942 г. начинается формирование танковых армий, призванных заменить уничтоженные в приграничных боях мехкорпуса. Создание этих новых структур позволило советскому командованию спланировать и провести в первой половине 1942 г. несколько наступательных операций (правда неудачно), а потом свести в свою пользу Сталинградскую операцию.

Советские танковые войска оказали решающую роль в достижении сначала коренного перелома в Великой Отечественной войне, а затем и в ее победоносном завершении. После захвата стратегической инициативы, несмотря ни на какие технические новшества в танкостроении, германской армии не удалось остановить натиск советских войск.

М.С.Каменских
Пермь

КООПЕРАТИВНАЯ АРТЕЛЬ «КИТАЙСКИЙ РАБОЧИЙ» КАК ФОРМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КИТАЙЦЕВ СРЕДНЕГО УРАЛА В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.

В годы Первой мировой войны в связи с дефицитом рабочих на заводы Пермской губернии было призвано до 10 тыс. китайских рабочих [1]. После Октябрьского переворота многие из них не успели вернуться на родину и были вынуждены искать себе средства к существованию в России: некоторые уехали в столицу, часть вступила в Красную армию, остальные остались искать заработок на Урале [2].

После войны значительная часть китайцев вернулись на заводы, в которых они трудились ранее. В данной статье речь пойдет о жизни китайцев на Среднем Урале в конце 1920-х гг., формах их адаптации и социальных процессах внутри общины. Данный вопрос еще не изучался в историографии. Работа по сбору материалов велась в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ),

Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГАООСО).

По данным, отложившимся в фондах Коммунистической партии Китая (КПК) РГАСПИ, общее количество китайцев в России в 1920 г. составляло 19940 чел., из которых по 300 жили в Перми и Екатеринбурге [3]. Из этого можно заключить, что сами китайцы оценивали свою численность на Среднем Урале в 1920 г. примерно в 600 чел. По данным переписей среднее количество китайцев в Уральской области во второй половине 1920-х гг. колебалось в пределах 300 – 500 чел. Таким образом, общая численность китайцев невелика – менее 1% от общей численности населения Уральской области (5,3 млн. чел.) [4].

Когда начался НЭП, китайцы приняли активное участие в кооперативном движении [5]. В 1925 г. Урбком в своей инструкции окружкомом по работе с нацмен (национальными меньшинствами) указывал: «Ввиду незначительности и слабости кооперативной работы среди национальных меньшинств, а в ряде случаев и совершенного отсутствия кооперации считать очередной задачей вовлечение нацмен в кооперативное движение, применительно к условиям жизни и быта данной народности» [6].

Скорее всего, после этого органы советской власти на местах стали вовлекать иностранцев в кооперативное движение. Китайцы откликнулись на данную форму ведения хозяйства, поскольку исторически мелкая торговля и кооперация были для них привычным занятием [7]. На сегодняшний день документально подтверждается существование как минимум пяти кооперативных артелей, в которых трудились китайцы – артель «Красный Восток» [8], «Восточный рабочий», сельскохозяйственная артель им. Сунь Ятсена, артель им. 10-й годовщины Красной Армии и Торгово-производственная кооперативная артель инвалидов «Китайский рабочий». Последняя существовала в Свердловске в 1928 – 1930 гг. (ее основу составили 19 выходцев из расформированной артели «им. 10 годовщины красной Армии»), сведения о ней и ее членах отложились в ГАСО.

К моменту своего создания в ноябре 1928 г. артель «Китайский рабочий» насчитывала 36 человек, преимущественно китайцев. В январе 1929 г. после ряда организационных собраний группа китайцев учредителей вложила в общий капитал 3200 руб., открыв в общей сложности 36 киосков. Об этом руководство вновь созданной артели информировало Президиум горсовета [9]. Основная деятельность «Китайского рабочего» – мелкая киосочная торговля «различной бакалеей и табачными изделиями» [10], в других документах в качестве товаров, продаваемых артелью, называются мыло, консервы, спички, махорка, сигареты марок «Пушка» и «Наша марка» [11]. В состав артели, кроме киосков, входила прачечная.

Документы свидетельствуют, что артель быстро развивалась, со временем в нее вливались другие торговые кооперативы. В июле 1929 г. артель Интруд передала «Китайскому рабочему» несколько киосков с товаром на сумму 11568 руб. [12], а китаец Ли Футян с собственным киоском и капиталом в 400 руб. попросился на службу в артель в сентябре 1929 г. [13] За весь 1929 г. артель открыла мастерскую, зеркальную, кафе-молочную, руководство артели рассчиталось со всеми предыдущими долгами и кредитами, общий торговый оборот артели за год составили более 200 тыс. руб. [14]. В протоколе от 28 января 1930 г. сообщается о

планах по приобретению 1 табачного киоска на вокзале, одного посудного киоска, двух галантерейных, двух бакалейных киосков и киоска со смешанными товарами – всего 7 торговых точек [15].

Успешная деятельность артели не всегда была законной. Газета «Уральский рабочий» в апреле 1929 г. сообщала об аресте за участие в незаконной покупке папирос председателя артели товарища Василия Газетдинова [16], за что на последнего было заведено уголовное дело [17]. В дальнейшем артель обращалась в прокуратуру с просьбой разобраться в законности ареста и точности указанных в статье фактов. «Газетдинов среди нас китайцев пользовался авторитетом и иным доверием», – говорилось в коллективном обращении членов артели [18]. Судя по тому, что имя Газетдинова исчезло из документов артели «Китайский рабочий» после мая 1929 г., это обращение прокуратура оставила без внимания. В дальнейшем место председателя занял китаец Ли Сифу.

В фондах кооператива «Китайский рабочий» сохранилось 42 личных дела китайцев членов кооператива [19]. Данные этих дел позволяют составить социокультурный портрет китайцев. Почти половина из них имели год рождения до 1885 г., т.е. к концу 20-х гг. большинству них было от 45 до 50 лет. Годы рождения после 1900 г. обнаружить не удалось. Это подтверждает, что основная масса китайцев прибыла на Урал в возрасте от 20 до 30 лет. Что касается года прибытия в Россию, то практически все китайцы приехали в Пермь в первые годы Первой мировой войны. Во всех анкетах указан либо 1915, либо 1916 г. прибытия. По социальному положению статусу китайцы были либо рабочими, либо крестьянами. Представителей мещанского, купеческого или дворянского сословия, в отличие от начала века, уже не было. В графе «имущество» у всех китайцев кооператива стоит запись «неимущий».

Род занятий до Гражданской войны свидетельствует, что большинство китайцев были выходцами с горных заводов или угольных копей Урала. К этой категории принадлежит 25 чел. При этом значительная часть китайцев освоили и другие профессии. Таким образом, жившие в этот период на Урале китайцы были преимущественно мужчинами, попавшими на работу в Россию в период Первой мировой войны. В основном они были неграмотными и малоимущими, трудились на профессиях не требующих высокого уровня квалификации. Эти китайцы не принимали участие в общественной жизни. Большинство из них были беспартийными.

Осложняло их адаптацию, в частности, плохое знание языка. В «Китайском рабочем» 8 членов имели хоть какое-то образование, остальные были неграмотными. Когда в 1930 г. принималось решение о закрытии китайской кооперативной артели «Китайский рабочий», ее председатель Ли Сифу в протоколе указывал: «...члены артели не знают русского языка, а потому слившись с русской артелью им трудно будет работать», а китаец Ли Ванду был более откровенен: «Мы китайцы большинство не умеем читать, писать и говорить по-русски как следует» [20].

Возможно, нежелание или неспособность учить русский язык были связаны с негативным отношением к китайцам на уровне повседневного общения. На факты дискриминации указывали сами китайцы. «Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами, так как русские артели получают и продукты и товары, а нам несмотря на наши просьбы не дают. УКС (Уралкооперативсоюз – М.К.) не хочет понять национальную политику, – писал в 1930 г. председатель правления артели «Китайский рабочий» Ли Сифу.

Постепенно вокруг «Китайского рабочего» спланировалась вся китайская община. К концу 20-х гг. от имени артели в горсовет стали поступать требования, выходящие за рамки торговой деятельности. Так в январе 1930 г. артель просила обследовать всех нуждающихся китайцев Урала, выделить помещение для проведения среди китайцев культурной работы, открыть школы для китайских детей и обеспечить их площадками, обеспечить китайцев жилищными условиями, а также разработать ЦРК план по расширению лавочных сетей. В этот период численность артели уже превышала 80 чел. [21]. Как видно, эти требования свидетельствуют, что внутри китайской общины начались процессы самоорганизации. Однако такое развитие артели не вписывалось в новые принципы экономической и национальной политики СССР в начале 30-х гг. В этот период кооперативное движение уже тормозилось на государственном уровне. В стране шла индустриализация, начиналась коллективизация сельского хозяйства. По этой причине было принято решение и о закрытии артели «Китайский рабочий». В итоговом протоколе сообщалось о проблемах с дисциплиной и низкой эффективности [22]. Артель была ликвидирована в августе 1930 г. Штат переведен в русскую артель «Производственник» [23]. В начале 30-х гг. сведения о китайцах и взаимодействиях с ними властей исчезают из документов и прессы.

Учитывая, что артель «Китайский рабочий» в конце 1920-х гг. стала «центром притяжения» китайцев Среднего Урала, выражала их ценности и интересы на уровне общения с властью, можно предположить, что эта организация стала центром формирования китайской диаспоры, однако политические события конца 1920-х гг., изменение принципов национальной политики, конфликт с Китаем, не позволили этим процессам дойти до своего логического завершения.

Примечания:

1. Организация труда китайцев на Урале в годы первой мировой войны // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации: сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Ин-т истории и археологии УрОРАН. Екатеринбург. 2009. Часть 1. С. 277-286. О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 1(8). С. 109-113.
2. Каменских М. С. Материалы ГАПО о китайских рабочих на Урале в 1915-16 гг. / Урал в истории России. 1917 г. Первые пермские историко-архивные чтения. Научно-практическая конференция. Тезисы выступлений. Пермь. 2007. С. 93-96.
3. РГАСПИ. Ф.514. Оп.1. Д.121. Л.12.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н. Ур. обл.. Башк. АССР. Отдел 1. М., 1928. С. 106-147.
5. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 126.
6. ЦДООСО. Ф.6. Оп.1. Д.276. Л. 64.
7. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае / В.К. Арсеньев. М., 2004. С. 124.
8. ГАСО. Ф.1200р. Оп.2. Д.54. Л.3.
9. ГАСО. Ф.р.171. Оп.1. Д.8. Л.26.
10. Там же. Л.73.
11. Там же. Л.181.
12. Там же. Л.43.
13. Там же. Л.54.
14. Там же. Д.22. Л.3,8.
15. Там же. Л. 25.
16. Имя Василия Степановича Газетдинова, скорее всего, было псевдонимом, поскольку в документах неоднократно указывалось, что артель в артель входили только китайцы.
17. «Раскрыта шайка воров взломщиков» // Уральский рабочий. 1929. 12 апреля. С.3.
18. ГАСО. Ф.р.171. Оп.1. Д.8. Л.132.
19. Там же. Д. 16. 16а. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 26. 27. 28. 29. 30. 34.
20. Там же. Д.22. Л.4.
21. Там же. Л.10.
22. Там же. Д.21. Л.12.
23. Там же. Л.36.